

не было, а я спала и не слышала, как ушли мои братья и мама. Вышла я за калитку на улицу и увидела, что все бегут в сторону Красой поляны, откуда в серых шинелях, пригнувшись, бежали советские солдаты, направив штыки вперед. Но... бить им было уже некого. Ни одного немца к этому времени в городе уже не осталось. Когда они встретились с бежавшими им навстречу нашими матерями, то стали обниматься, плакать, что-то говорить друг другу... А я стала искать среди них своего отца. Но его не было! Тогда я еще сильнее стала плакать!

Когда первые радости встречи солдат и женщин — курянок улеглись, все огромной толпой прошли через шоссейную дорогу, через наши огороды и дворы и остановились около неразорвавшихся бомб. Солдаты стали убеждать нас, что «бояться их не надо, они больше не разорвутся», в доказательство этого они хлопали по ним руками и ногами. Убедившись, что отсюда беды не будет, женщины повели всех в деревню Ламоново — Два.

И вот зачем! Здесь жил староста, который служил у немцев. Наши солдаты его вывели из дома и заставили слушать, что «будут говорить о нем матери». Женщины с криком и кулаками бросались на старосту, били его кто чем мог, потому что он отправил их дочерей в Германию, откуда они так и не вернулись. Говорят, что его убили, но я не видела его убитого, потому что мама нас увела от этого «зрелища». По дороге домой она нам все повторяла: «Ну, детки, скоро наш папка придет».

Но отец Вали все не возвращался с фронта. После освобождения Курска война продолжалась еще два года. «Война продолжалась и слезы матерей все лились, так как все чаще приходили «похоронки» о погибших отцах и братьях. У моей подруги, Гали, с которой мы прожили рядом всю войну (и дружим до сих пор. Галя продолжает преподавать математику в школе), убили отца и брата. Мы тогда не понимали всю значимость слова «убили», но плакали, потому что плакали наши матери.

Мой отец был жив. Много радости приносили от отца письма — треугольнички, с фронта. Письма были короткие: «Я под Сталинградом, скоро разгромим фашистов. Ждите, я вернусь». «Я под Воронежом.. Скоро вернусь. Ждите». «Я в госпитале — контуженный. Стал немного видеть и слышать. Говорить еще не умею», «Я в Бессарабии».

Война продолжалась, но «в освобожденном от немцев городе мы все чувствовали себя лучше. Мы стали жить лучше.» И хоть в Курске уже не было немцев, дети продолжали гибнуть. «Однажды, пошли мы за щавелем на луг, — вспоминала Валентина Романовна, — нас, детей было много и была среди нас Машенька из села Токаревка. Она нашла гранату в траве, подняла ее и кричит: «Смотрите! Я нашла лимон!». Этот «лимон» тут же взорвался и Машеньку в клочья разорвало. Все это происходило на наших глазах. Не далеко от Маши стоял Генка Вялых — тоже из Токаревки (мы с ним в школе вместе учились). Все в ужасе перевели глаза на него: у Генки кисти рук были оторваны кусками (кстати, после войны он окончил исторический факультет Курского пединститута). Вася Локтионов (по кличке «Пышка») стоял дальше — у него оказался выбитым глаз... Как трудно вспоминать все это: заново приходится переживать эту сцену... сразу перед глазами встают детские лица, слезы. Я даже помню, кто как плакал, кто в чем был одет...».

После освобождения города да и после войны взрослым приходилось много работать. Малыши под присмотром подростков были предоставлены сами себе. Большую роль в их жизни играла школа. Валентина Романовна с теплотой вспоминает своих учителей: Дорошенко Клавдию Андреевну, Сальникову Татьяну Григорьевну, Затынайченко Ирину Никитичну. Учиться стали в Ламоновской средней школе (последние годы там было интернат). Сидели не за партами, а за верстакими, за которыми немцы ставили лошадей и укладывали им корм. «Я была самая маленькая в классе, и мой подбородок как раз ложился на этот верстак. В такой удобной для меня позе я часто засыпала на уроках, а потом залазила под верстак, ложилась там поудобнее и досыпала. Но мальчишки, заметив, что я сплю, начинали пинать меня ногами. Я просыпалась, давала им «сдачи». В классе поднимался шум. Учительница меня вытаскивала за руку оттуда и ставила в угол. Мне это не нравилось. Я стала уходить с уроков... Все учителя со мной мучились, а потом нашли применение моей энергии, организовав кружки художественной самодеятельности».

С концертами художественной самодеятельности ученики Ламоновской школы выступали часто в госпитале, где лежали искалеченные фашистами советские воины. Госпиталь тогда, в 1943—1945 гг. размещался «на белых домах», где сегодня — жилой массив завода РТИ. Два четырехэтажных дома в Рышково (эти дома и сейчас стоят)